

Цзян Юньхань замерла, и в её глазах отразилось искреннее изумление. Она вдруг усомнилась в самой себе.

— Цинхэ, ты хочешь сказать, что я жалею Гу Шэня?

Шэнь Цинхэ слегка кивнула, и в её голосе прозвучала уверенность:

— Ну да. Разве не жалеешь? Раньше я как угодно могла отзываться о Гу Шэне, и ты никогда меня не останавливала. Почему же сегодня так переменилась? Если это не жалость, то что?

Раньше, как бы она ни критиковала Гу Шэня, даже если делала это прямо у них на глазах, Цзян Юньхань не обращала внимания. Почему же сегодня она так резко её одернула? Шэнь Цинхэ не понимала: неужели эта ледяная красавица тоже способна кого-то жалеть?

Взгляд Цзян Юньхань мгновенно стал холодным и жестким.

— Твои ощущения тебя обманывают. Я не жалею Гу Шэня.

Разве могла она жалеть его? Это же просто смешно. Гу Шэнь — всего лишь её парень по контракту, замена Фу Линфэну. Она ни за что не станет жалеть какую-то замену.

Быстро приведя себя в порядок, Цзян Юньхань собралась на свидание. Ей предстояло пойти в кино с Фу Линфэном — с тем, кого она любила еще в юности.

Гу Шэнь вернулся в общежитие, и едва он открыл дверь, как на него набросился Гао Минфэн, словно шальная крыса.

— Глубокий, ты скучал по бате?

Гу Шэнь с улыбкой посмотрел на него и отчетливо произнес:

— Папаша по тебе безумно скучал.

Он не забыл, как этот тип обманом заставил его съесть печенье с васаби. Ну и сынок, просто золото.

Гао Минфэн нахмурился, поправил очки на переносице и потер плечи. Странно, кондиционер работает не так уж сильно, почему же веет таким холодом? Он решил проигнорировать смертоносную улыбку Гу Шэня и, схватив его чемодан, начал рыться внутри.

— Сын мой, ты привез те закуски, о которых я просил?

Гу Шэнь молча наблюдал за ним. Этот парень ради спасения собственной шкуры готов даже отцом его называть. Ну и послушный же сынок. Однако Гу Шэнь помнил, как страдал от того печенья с васаби — у него даже слезы из глаз брызнули.

— Слушай, Сяо Гао, кажется, я забыл научить тебя, как нужно проявлять уважение к отцу?

Гао Минфэн: !!!

Не надо, умоляю, не надо...

Десять минут спустя Гао Минфэн, с растрепанными волосами, забился в угол и грыз печенье. Гу Шэнь такой жадина, печенье же вкусное, а он отказался делиться? Совсем не ценит отцовских чувств.

Гу Шэнь... жует... прямо непутевый сын! Жует... посмел ударить отца... жует... казнить его!

Гу Шэнь привел постель в порядок и взглянул на экран телефона. Четыре часа дня. Должно быть, Цзян Юньхань уже встретилась с Фу Линфэном. Наверняка они уже держатся за руки и даже целуются. Белый свет вернулся, и между ними вспыхнуло пламя страсти.

Гу Шэнь тихо хмыкнул. Какое безобразие! Он ведь добропорядочный студент, законопослушный гражданин, о таких пошлых вещах и знать не знает!

В этот момент телефон пикинул. Гу Шэнь увидел имя отправителя, и уголки его губ приподнялись.

Ян Линлин: Брат Шэнь, я в университете, поужинаем вместе?

Гу Шэнь улыбнулся и быстро застучал по экрану: Хорошо, увидимся.

С Ян Линлин он не виделся уже два месяца, как раз все летние каникулы. Она была его подругой еще из детдома. В детстве Гу Шэнь был хилым и слабым, его постоянно обижали старшие ребята, и именно Ян Линлин всегда вставала на его защиту. Несмотря на то что Гу Шэнь был старше, она заботилась о нем, как старшая сестра.

Перед выходом Гу Шэнь не удержался и взлохматил идеально уложенную прическу Гао Минфэна — просто из вредности. Слушать вопли любимого сыночка было одним удовольствием.

У входа в третью столовую стояла девушка в белом платье с двумя хвостиками. Белые носочки плотно облегли стройные голени, отчего те казались еще соблазнительнее. Ян Линлин нахмурилась, глядя в телефон, а затем приподнялась на цыпочках, вглядываясь вдаль. Её круглые, как у олененка, глаза искали в толпе знакомый силуэт. Этот милый вид заставил немало сердец местных парней забиться чаще.

— Слушай, какая симпатичная старшекурсница! Пойдем попросим WeChat?

— Брат, может, вместе пойдем? Попробуем удачу.

— Да как на свете могут существовать такие милые девушки? Хочется съесть её целиком.

Ян Линлин вдруг просияла — она увидела Гу Шэня! Она подбежала к нему и, задрав голову, зашебетала:

— Ну чего так долго? Я тебя целую вечность жду. С тебя порция лапши!

Гу Шэнь рассмеялся и мягко ответил:

— Хорошо, угощаю лапшой.

Где-то неподалеку разбились сердца группы первокурсников.

— Не понял, почему мою красавицу кто-то увел?

— Неужели моя любовь закончилась, даже не успев начаться?

— Да чем этот парень лучше нас?!

Гу Шэнь даже не догадывался, что за его спиной группа разочарованных студентов шепчется о нем. Он вместе с Ян Линлин поднялся на третий этаж. Она заказала кровяную колбасу с вермишелью и куриной ножкой, задрала подбородок и гордо бросила:

— Брат, плати.

Гу Шэнь усмехнулся и покорно пошел к кассе:

— Хорошо.

Он никак не мог понять, как та дерзкая предводительница из детства превратилась в такую

милашку? Но эта милота была лишь внешней — Гу Шэнь знал, что злить Ян Линлин опасно. У неё мышцы не для красоты, дерется она очень больно.

Когда принесли лапшу, Гу Шэнь спросил:

— Линлин, как бабушка Чжан? Как её здоровье?

Бабушка Чжан была той, кто их приютила. В детдоме им вечно не хватало еды и одежды, их постоянно обижали, и бабушка Чжан, увидев, как они привязаны друг к другу, забрала их обоих. С тех пор прошло уже два года, как он её не видел. Гу Шэнь тихо вздохнул. Хорошо, что Цзян Юньхань платит ему неплохо, и он может присылать бабушке деньги, иначе он бы извелся от чувства вины. Как только контракт закончится, он первым делом поедет навестить её.

Ян Линлин, уплетая куриную ножку, ответила:

— У бабушки Чжан всё отлично! На каникулах я часто видела, как она с соседками у ворот в маджонг режется, духу у неё хоть отбавляй.

Закончив, она с беспокойством посмотрела на Гу Шэня и осторожно добавила:

— А Цзян Юньхань тебя не обижает, брат Шэнь?

Говорят, в богатых семьях полно всяких штучек, выдержит ли он? Если Гу Шэня хоть кто-то посмеет обидеть, она, Ян Линлин, жизнь положит, чтобы добиться справедливости. Она не боится сильных мира сего — в крайнем случае, отдаст свою жизнь.

Гу Шэнь рассмеялся:

— С чего бы госпоже Цзян меня обижать? Ты шутишь? Сейчас ведь правовое государство, издевательства — это преступление.

Ян Линлин протянула «о-о-о» и хихикнула:

— Я просто волнуюсь за тебя!

<http://bllate.org/book/20022/1975910>